

Эти записи я начал делать еще при жизни Василя Быкова. Некоторые из них он успел прочесть в книге «Негаснущие зарева», которую я послал ему в Прагу, в последний «перевалочный» пункт на его «долгой дороге домой».

Александр ДРАКОХРУСТ

Василь Быков, далекий и близкий

В библиотеке СП читал «Литгазету». Вдруг слышу: кто-то вошел. Оборачиваюсь. Вася Быков (я называю его так по праву давней дружбы).

Для меня любая встреча с ним — радость. Познакомились мы давно. И заочно. Помню, где-то на Дальнем Востоке (в Уссурийске ли? В Хабаровске?) прочитал я «Журавлиный крик». И так остро вспомнил раннюю осень сорок первого года, и пустынные железнодорожные переезды, и ту тревожно-щемящую тишину, предвещающую почти неизбежной гибели... Позже прочел «Третью ракету». Это были первые после некрова «Сталинграда» («В око-

ким — задумчивым, серьезным и значительным. Быковским.

Вчера позвонил Василь. В трубке — знакомый голос. Хрипловатый, астматический, очень усталый. Еще бы не устать, даже если и живет он сейчас в относительно спокойной обстановке и приемлемых для работы условиях! Ведь сколько написано только за последнее время! И повести, и

у кого нет такого таланта, такой неутраченной боли и ответственности, как у него.

То, что он пишет сейчас, это попытка честно и беспристрастно разобраться в великой народной традиции, в ее причинах и следствиях, вызвать в читательских сердцах ужас при одной мысли о человекоубийстве. И новая повесть «Болото» — все о том же. Лишь меняется угол зрения — становится острее, бескомпромисснее. В повести, как обычно у Быкова, проблемы

убийце — бывшем «афганце», и о женщине, заколовшей вилами своего мужа, предколхоза, издевавшегося над людьми. А из партизанских — пронзительнейший «Должик».

И быковская «война», и «мир» далеко не всем приходятся по душе. Поэтому Василю, как я почувствовал, так нужны слова понимания и сочувствия.

Наверно, никто из белорусских писателей так остро, глубоко и горько не переживает вынужденную эмиграцию Василя, как Рыгор. Он не только верный и надежнейший друг — он брат его. Всей силой своего недюжинного таланта, своей любви и нежности помогает он Василю жить, работать, преодолевать разлуку с родиной. Истинный поэт, он переплавляет свои братские чувства в стихи. И его поэтические по-

каллиграфическим почерком.

Прочел прямо на почте. И так сильно защемило сердце, что сел на лавку и несколько минут приходил в себя. Вот это письмо, которое поначалу должно было бы приятно пощекотать авторское самолюбие, а между тем повергло меня в шок:

«Дорогой Саша!

Милый Александр Абрамович!

Давно уже прочитал твою книгу, из которой на меня дохнуло известно каким временем. В общем проклятым временем. Но, странное дело, в человеческом сознании (и моем тоже) это проклятие непонятным образом превращается в щемящую сладость, почти благословенную. Во многом это от эффекта верности атмосфере, деталям, всему тому, что принято называть правдой повествования. Так я понимаю... Хороша твоя повесть и почти все рассказы. Многие из них близки мне еще по общему нашему дальневосточному опыту — твоему в Приморье, моему — на Сахалине и Курилах. Спасибо тебе за добрые слова обо мне в гродненском, где мы познакомились. Где-то у меня хранится снимок нас всех и тебя — самого заметного в группе. Приходится только сожалеть, что потом не часто приходилось встречаться. Хотя я всегда с теплотой душевной вспоминал о тебе.

А теперь что ж? Теперь — закат, пора ухода. И так мы прожили до неприличия долго. Наши друзья, polegшие в землю в свои 20–25 лет, не поверили бы, что мы дожили до этого.

Рыгор БОРОДУЛИН.

Да, отчизна
Мачехой бывает
И чужбиной
Для сынов своих —
Колкою издевкой
Пронимает,
На безмолвье
Обрекает их.

19 июня ему
исполнилось
бы 80 лет

мая «окопная правда», которую так долго ждала душа.

После переезда в Минск одна из первых моих командировок была в Гродно. Вася сначала отнесся настороженно к майору из окружной газеты — был пик нападок на него, и он мог ожидать любых провокаций. И все-таки мы нашли общий язык. Возникли — пусть не сразу — взаимная приязнь и, главное, доверие. Вася полагал (и не без оснований), что квартира его на первом этаже старого дома просматривается и прослушивается, и мы вечерами, а то и по ночам ходили вдвоем по пустым гродненским улицам и говорили, говорили...

Не буду задним числом воссоздавать эти разговоры. Нас обоих жгло исподволь и открыто реставрируемое наследие сталинщины, попытки внедрить в массовое сознание историю войны, бесконечно далекую от действительности. Между прочим, о «своей» войне Быков не рассказывал ничего. Про памятник под Кировоградом, на котором была ошибочно выбита его фамилия, я узнал через много лет.

... И вот снова, теперь уже в библиотеке СП — его хрипловатый голос с частыми придыханиями, его манера отвечать, чуть-чуть помедлив для раздумья и короткого вдоха.

Я смотрю на нынешние портреты Быкова. У него угрюмое, сосредоточенное, скульптурно вылепленное лицо, на котором явственно различим «знак беды». Да, возраст и горькие мысли углубили и сделали более рельефными черты этого выразительного не улыбочивого лица. Но, сколько я помню, и лет двадцать-двадцать пять тому назад, и даже на случайно сохранившейся фронтовой фотографии оно всегда было именно та-

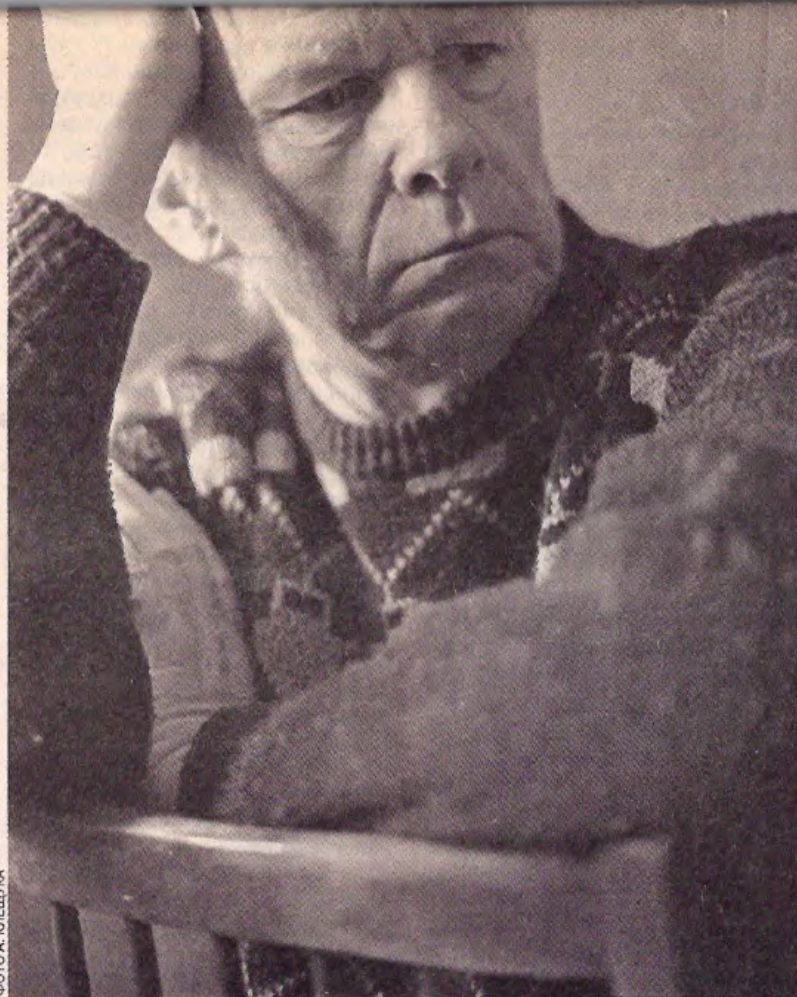

ФОТО А. КИЕЛЮКА

рассказы, и эссе, и притчи... А возраст, а куча болезней, а прекращающиеся атаки идеологов режима и радиовралей!

Разговор начался как бы с середины, словно мы уже давно вели его и лишь ненадолго прервались. И сразу же о войне. Конечно же, о войне. Скоро 22 июня. Шестьдесят лет со дня начала. Он — дословно: «Кроме ранения, я еще контужен войной. И это, наверное, до могилы».

Да, все мы, бывшие фронтовики, «контужены» ею! Но ни

нравственные и психологические, проблемы выбора, стойкости характеров, верности себе.

Заговорили о его новых рассказах. Судя по всему, дались они ему нелегко. В них — современность, точно увиденная, драматически переданная. В них боль, которой нет в произведениях модернистов и постмодернистов, озабоченных в основном, тем, «как бы себя обозвать получше». Сказал Васе, что наибольшее впечатление произвели на меня рассказы о наемном

Наш каждый шаг и год.
И, как будто
Ожидая встречи,
В пущах мать-и-мачеха
Цветет.
И изгнанник
Рвется в край родимый,
Где земля
От века не чужда.
Холодно трубе
Зимой без дыма,
Одинокой птице
Без гнезда.

Чуть услышу я
Голос дальний —
Одиночества нет уже.
Только мокрядь
в глазах печальных
Да тревожная рябь в душе.
Голос,
Внятный мне среди многих, —
Это радость и боль моя,
Из изгнания ли,
С дороги
Он в родные летит края.
Пусть же подлость
Бубнит глумливо
Позабывшие стыд слова, —
Голос жив —
И надежды живы,
Голос жив —
И душа жива!

Перевел А. ДРАКОХРУСТ.

слания летят к Василию из родных Ушачей и Минска в Финляндию, Германию, Прагу. Некоторые из этих посланий я перевел сам и проникся переполняющим их чувством...

Вчера (22 марта) неожиданно получил письмо от Василия. Я действительно не ожидал: слышал, что он болен, понимал, что ему не до писем. Да и жизнь в Праге как-то не задалась. Но вот в моих руках продолговатый конверт с адресом, написанным четким, почти

неповзрослым — заоблел, весь март ходил по клиникам. А в то время, как ты получишь это письмо, кажется, буду лежать на операционном столе (госпитализация 24 марта). Вроде бы онкология.

Вот такие дела... Как писал когда-то забываемый Твардовский, утешает одно: славно мы пожили, водочки попили, будет уже за глаза!.. К концу жизни более утешиться нечем. Остальное не утешает. Адамович и этим не утешился...

Дорогой Саша! Очень желаю тебе доброй, спокойной старости, твоего 80-летия. И по возможности — здоровья.

Обнимаю тебя, дорогой друг и ровесник!

Привет твоей милой подруге.
Твой В. Быков.

13 марта 03
Прага».

На «Негаснущих зорях», посланных в Прагу, я написал: «Дорогому Васе Быкову — в память прошлого, в знак настоящего и в твердой надежде на то, что еще наверняка будет. С нержавеющей дружбой и братской верностью! Саша, который Хруст».

За «твердую надежду» сейчас — после этого письма — мне стало неловко. Он серьезно болен, а я... Впрочем, речь ведь идет не только о Васиной или моей судьбе... На нас жизнь не кончается!

Нужно ли говорить, с каким волнением и тревогой ожидали мы с Диной, все наши друзья и близкие, вестей из Праги, как горячо желали благополучного исхода операции?

Она, увы, ничего не решила.

И возвращение не принесло Василию облегчения. Боровляны, «раковый корпус». Тревожные слухи...

(Окончание в следующем номере «Труда-7»)